

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.¹

Е.А. Волжанина

Рассматриваются официальные определения кочевого и оседлого хозяйств, а также механизмы поддержания кочевого образа жизни, практиковавшиеся среди ненцев Ямала, и их трансформация в первой трети XX в.

Этнография, народы Севера, ненцы, Ямал, традиционное хозяйство, кочевой образ жизни, оседлый образ жизни.

Признание кочевого образа жизни необходимым условием сохранения традиционного хозяйства, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера, являющихся рыбаками, охотниками и оленеводами, не вызывает сомнений в научно-исследовательских и общественно-политических кругах. В пользу его положительной оценки свидетельствует принятие в конце XX — начале XXI в. на законодательном уровне решений о компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью и ведущим кочевой и полукочевой образ жизни, на территориях Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Саха и Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

На протяжении XX в. ключевая идея концепции социального развития коренных малочисленных народов Севера заключалась в преодолении их культурно-экономической отсталости путем смены кочевого образа жизни на оседлый [Броднев, 1950, с. 106; Сергеев, 1953, с. 56; и др.]. В соответствии с идеологической установкой среди отечественных этнографов-североведов и историков вплоть до начала 90-х гг. XX в. переход кочевников к оседлости оценивался положительно, как отвечающий потребностям их экономического и культурного развития [Бударин, 1952; Гурвич, 1970; Зибарев, 1972; и др.]. Работы, в которых обращается внимание на отрицательные социально-экономические, культурные, демографические и медико-эпидемиологические его последствия для народов Севера, появились относительно недавно [Волжанина, 2010; Иванов, 1998; Карлов, 1991; Пика, Прохоров, 1988, 1994; и др.].

Во многом сокращение сегодня списка кочевых народов, численности кочевого населения и поголовья оленей по сравнению с началом XX в. [Клоков, Хрущев, 2006, с. 25, 28] стало результатом одновременной государственной политики в этом направлении и тесно связано с изменением ценностных ориентаций вчерашних кочевников, их выбором в пользу поселкового образа жизни, утратой знаний, умений и навыков ведения традиционного кочевого хозяйства. В XXI в. в Российской Федерации кочевники и оленеводы — главным образом ненцы Ямало-Ненецкого автономного округа, но и в их среде идет процесс уменьшения доли кочевого населения, около половины заняты в современных сферах деятельности, альтернативных традиционным, и проживают в городах и поселках [Волжанина, 2012]. В первое десятилетие XXI в. кочают только 50,4 % проживающих на Ямальском полуострове ненцев [Там же]. Данные социологических опросов о престижности мест проживания и привлекательности для молодежи тех или иных занятий показывают, что кочевание утрачивает свою ценность [Попков, Тюгашев, 2007, с. 99–105]. В этом ключе становятся понятными высказывания некоторых информаторов из числа ненцев по поводу так называемых «кочевых», размер которых, по их мнению, не компенсирует физические и моральные нагрузки, связанные с ведением кочевого оленеводческого хозяйства, и что ни за какие деньги они не променяли бы налаженный поселковый быт на тундровой [ПМА, Ямальский р-н, ЯНАО. 2005]. По мнению социологов, современное перемещение ненцев из тундры в поселки сдерживается главным образом нехваткой жилья и рабочих мест [Попков, Тюгашев, 2007, с. 105].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Цель данной статьи — показать трансформацию стереотипов кочевников, сформировавшихся во время складывания крупнотабунного оленеводства, в отношении кочевого образа жизни, что впоследствии позволило им рассматривать оседание как окончательную и добровольную смену места жительства. На наш взгляд, ключевым периодом в этом процессе стала первая треть XX в., когда в среде кочевников по государственной инициативе пропагандируется новая идея преимущества жизни в поселке перед тундрой и впервые ставится вопрос о переводе их на оседлость. В этой связи в работе на основании первых похозяйственных переписей народов Севера (Приполярной переписи 1926–1927 г., окружной переписи 1932–1933 г. и похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 г.), материалов землеустроительной экспедиции 1934–1935 г. в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа и нарративных источников рассматриваются механизмы поддержания кочевого образа жизни на Ямале и их трансформация в первой трети XX в. При этом мы принимаем во внимание, что переход на оседлость, осуществляемый в ходе целенаправленной государственной политики, и сознательный выбор отдельными семьями или одинокими людьми проживания на одном месте в процессе изменения социально-экономических и природно-климатических условий хозяйствования и субъективных причин представляют разные, качественно отличные друг от друга процессы.

Целесообразно начать с вопроса о методологических принципах отнесения того или иного хозяйства к кочевому или оседлому. Впервые они разрабатывались накануне Приполярной переписи 1926–1927 г. и использовались при подведении ее итогов. Согласно ее данным, кочевое население проживало главным образом в тундре и насчитывало 48,5 % от общей численности народов Севера [Терлецкий, 1932, с. 16–17]. К кочевникам относилась большая часть ненцев, остяко-самоедов, долган, кетов, эвенков, эвенов, чукчей [Терлецкий, 1930, с. 44], чей образ жизни базировался в основном на оленеводстве. При этом в составе одних и тех же народов встречались как оседлые, так и кочевые хозяйства, сосуществовавшие друг с другом в тесном взаимодействии, что подтверждается историческими фактами и этнографическими материалами [Крупник, 1989].

Распределение хозяйств по типам осуществлялось регистраторами на основании набора объективных параметров, таких как характер хозяйственной деятельности и наличие постоянных построек², а не слов опрашиваемого [Крайний Север, 1935, с. 49]. К характерным чертам оседлого хозяйства относились наличие постоянных построек, занятия скотоводством (исключая оленеводство), рыболовством и морским зверобойным промыслом, стационарное проживание на одном месте и близкое расположение промысловых угодий [Терлецкий, 1932, с. 7]. В кочевом хозяйстве оленеводство и охота являлись ведущими видами деятельности, а члены хозяйства проживали в переносных постройках. Кроме того, выделялась промежуточная группа полuosедлых (полукочевых) хозяйств, сочетающих признаки обоих хозяйственных типов, а именно постоянное жилье, занятие охотничьим промыслом, но перекочевывающих на небольшие расстояния и всегда возвращающихся на одно и то же место [Там же].

В переписных бланках начиная с Приполярной переписи для указания типа хозяйства отводилась специальная графа, данный вопрос считался ясным и в инструкциях по ее заполнению не уточнялся. В ходе похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 г. потребовалась уже детализация сведений и для хозяйств, перешедших на оседлость, в дополнительной строке необходимо было «указать, сколько лет назад оно перешло на оседлость (перестало кочевать) или полuosедлость», т.е. «возвело постоянные жилые постройки», что позволяло зафиксировать изменения, произошедшие в межпереписной период. Для кочевых хозяйств приводилось подробное описание кочевых маршрутов. С учетом опыта переписи 1926–1927 г., когда необходимые сведения с трудом размещались регистраторами в небольшой таблице, помещенной на адресном листе бланка, в 1934 г. для них отводился раздел, занимающий целую страницу.

В начале 30-х гг. XX в., анализируя возможности оседания коренного населения в Ямальском округе и пытаясь дать описание наблюдаемых фактов, на основании наличия жилых сооружений, основных занятий, продолжительности кочевого маршрута и времени проживания на одном месте выделяли оленные хозяйства переходного типа: полuosедлые и кочевые с признаками полuosедлости [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 189, л. 31–32]. Из них первые характеризовались

² Для сравнения: в ходе проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи в 2006 г. к числу кочевников официально относилось население, живущее вблизи охраняемого стада в облегченных постройках типа чум, балок, палатка, не имеющее постоянного жилья в стационарных поселениях [Итоги..., 2008, с. 373].

Традиционные механизмы поддержки кочевого образа жизни на Ямале в первой трети XX в.

постоянством летних стойбищ, с наличием некоторых стационарных построек, сжатой амплитудой зимних кочевых маршрутов и преимущественной занятостью в рыболовстве и зимнем охотничьем промысле [Там же]. Вторые — проживанием на одном месте в летний период в переносных жилищах, занятием рыболовством и отдачей оленей на выпас [Там же]. Различия между ними носили главным образом этнический характер. Полуоседлое население состояло из хантов и зырян, полукочевое с тенденцией к оседанию и кочевое — исключительно из ненцев [Там же]. Этнический состав оседлых хозяйств включал русских, зырян, частично безоленных ненцев и хантов, постоянно проживавших в населенных пунктах [Там же].

Те же категории населения выделяли ненцы в своем составе, называя кочевников *тю'унамэна* (с нен. «наверху находящиеся») или *тэхэна мэна* (с нен. «среди оленей живущие»), а проживающих оседло — *хардахана иленя* (с нен. «живущие в домах, поселке») или *та'сина мэна* (с нен. «внизу находящиеся») [Харючи, 2001, с. 169]. В данных терминах содержится указание на особенности местожительства обеих групп. Первый говорит о традиционном устройстве оленеводами стойбищ на возвышенных местах, второй — о проживании оседлого населения главным образом в низинах речных бассейнов [Там же]. Сама по себе разработанная для статистических целей типология хозяйств не предусматривала обратного процесса: перехода от оседлого образа жизни к кочевому, что являлось на самом деле одной из ценностных установок ненцев-олeneводо-вод, на которую неоднократно обращалось внимание в этнографических исследованиях [Головнев, 1995, с. 51; Харючи, 2001, с. 12; Lyarskaia, 2008, p. 33].

С точки зрения философии культуры появление «сидячих» ненцев считается закономерным процессом, сопутствующим кочевому образу жизни, определяемому потребностями крупнотабунного оленеводства, а оседлость и поселковый образ жизни рассматриваются в качестве архетипической культуры, лежащей в основании традиционной культуры как самодийского, так и финно-угорского населения Ямала [Попков, Тюгашев, 2007, с. 98]. Пример Северо-Западной Сибири показывает складывание в тундровой зоне к концу XIX в. целостной системы хозяйства, состоявшей из нескольких хозяйственных комплексов (тундрового или оленеводческого, арктического, южно-тундрового и лесотундрового), ни один из которых не был самодостаточным [Головнев, 1993, с. 131]. Классические кочевники Севера — ненцы — представители тундрово-олeneводческого комплекса в действительности не могли обходиться без стационарной периферии, «дополнявшей его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, на технологическом уровне — необходимыми трудовыми ресурсами, а в кризисных ситуациях представлявшей собой альтернативу для разорившихся оленеводов» [Там же]. В течение жизни человек мог несколько раз «временно оседать» на промысловых угодьях из-за потери оленей от болезней, гололедицы, волчьих потрав и т.д. и затем снова нарастить стадо. С подобными примерами, свидетельствующими о непостоянстве и быстротечности «оленего счастья», неоднократно сталкивались исследователи на Ямале в первой трети XX в.: владелец многотысячного стада оленей с легкостью становился бедняком и наоборот [Бушевич, 1914, с. 19; Евладов, 1992, с. 59, 250]. Об этом писал В.В. Тарасов, побывавший на Ямале после крупного падежа оленей из-за сибирской язвы в 1911 г., отмечая жалкое существование самоедов, лишившихся своих стад, так как «...из самостоятельных хозяев, каковыми они были до падежа, теперь они превратились в рабочих, пайщиков в промыслах и приживальщиков у богатых самоедов. ... Один из них Маби Саратэтто, старик, потерявший более 1000 оленей, плакал, жалуясь на свою судьбу и говоря, что он уже в третий раз разоряется от падежа. Он высказал, что разорившиеся хотя здесь теперь и терпят всевозможные лишения и неприятности, но все таки благодарны тем самоедам, которые не бросили их, а взяли в тундру. Здесь они имеют возможность во времени как-нибудь собрать оленей для самостоятельного передвижения, а если бы остались на Оби рыбаками,— никогда уже не вернулись бы в тундру и стали бы вечными работниками рыбпромышленников...» [1915, с. 12–13].

Границы между оленеводческими типами, с характерными для них размером стада, кочевыми маршрутами, приемами выпаса, использованием оленей и продуктов оленеводства, были открытыми, позволяя переходить от одного хозяйственного стиля к другому под влиянием различных обстоятельств [Головнев, 1993, с. 87] и менять степень мобильности. Учитывая определяющее значение оленеводства, при отнесении хозяйства ненцев Ямала к кочевому или оседлому типу, на наш взгляд, оправданно рассматривать перечисленные выше его характеристики в числе условий перехода населения на оседлый образ жизни.

Сформировавшийся у ненцев тундровой хозяйственный комплекс не предполагал, что все оленеводы должны быть владельцами крупных стад [Головнев, 1993, с. 89]. Основную массу (более 50 %) составляли безоленные и малооленные хозяйства, имевшие менее 100 оленей. При этом на Ямальском полуострове минимальное количество оленей, необходимое для ведения кочевого хозяйства, определялось в 400–500 голов [Евладов, 1992, с. 251], а хозяйства, имевшие менее 300 оленей, уже считались бедными [Козлов, 1933, с. 131]. Владевших более чем 400 оленями, живших натуральным хозяйством независимо как от промысловых биоресурсов, так и от складывающегося рынка [Головнев, 1995, с. 51], обеспечивавших себя всем необходимым самостоятельно, среди ненцев было немного (табл. 1, 2). Традиционная ценностная установка каждого «сидячего» тундрового промысловика (*намдеда*), не имеющего возможности кочевать, «подняться на каслание», т.е. нарастить поголовье оленей, сделаться оленеводом и жить *ненэй илңгана* — буквально «настоящей жизнью» [Харючи, 2001, с. 12], была идеалом, которого достигали немногие.

Таблица 1

Распределение хозяйств коренного населения Ямальского полуострова по размеру оленьего стада по данным Приполярной (1926–1927) и районной (1932–1933) переписей

Годы переписи	Число хозяйств с оленями, голов													Максимальный размер стада, голов
	Всего хозяйств народов Севера	Без оленей	До 25	26–50	51–75	76–100	101–150	151–200	201–300	301–400	401–600	601–800	801 и более	
1926–1927*	608**	9	48	102	78	64	90	63	48	29	25	31	21	4190
1932–1933***	631	50	51	112	90	69	83	53	61	24	22	11	5	1000

Рассчитано по: [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 51–56].

* Размер стада в 1926–1927 гг. нами установлен на основании данных о наличии своих и принятых чужих оленей.

** В том числе 1 зырянское хозяйство.

*** В том числе 2 хозяйства русских.

Таблица 2

Оценка оленеобеспеченности хозяйств коренных народов Севера, %

Годы переписи	Доля хозяйств с оленями, голов			
	До 100	101–200	201–400	401 и более
1926–1927	49,5	25,1	12,7	12,7
1932–1933	58,9	21,6	13,5	6

Несмотря на преобладание безоленных и малооленных, тем не менее все 612 хозяйств Ямала, по данным Приполярной переписи, были кочевыми [Список..., 1928, с. 164]. Источники первой трети XX в. показывают, что при полной утрате оленьего стада в силу различных объективных и субъективных причин не всегда переходили на оседлость, так как в этой ситуации включались выработанные в процессе превращения оленеводства в форму производящего хозяйства механизмы, позволяющие семье кочевать. Практиковались различные формы взаимопомощи, кооперации и кредитов, существование которых было обусловлено как экономическими мотивами, так и морально-этическими нормами, а некоторые из них носили условно безвозмездный характер. Среди них можно выделить те, которые при временном оседании хозяйства предоставляли ему возможность увеличить стадо: взятие оленей во временное пользование (*подерло*), система отдаривания или дарения (*тында*), получение калыма, обмен продукции рыболовства и охотничьего промысла на оленей. Нельзя исключать и кражи оленей как одного из способов их приобретения. Объединение хозяйств для совместного выпаса оленей, совместное кочевание с состоятельными оленеводами (не обязательно родственниками), найм на работу пастухами (плата в некоторых случаях осуществлялась оленями) позволяли кочевать даже при недостаточном количестве собственных оленей. Это служит объяснением тому, что многие безоленные и малооленные хозяйства продолжали кочевать, не теряя надежду снова нарастить стадо и стать самостоятельными оленеводами.

Получение малооленными хозяйствами оленей на выпас от крупных оленеводов *подерло* (или «подержание» у В.П. Евладова) представляло беспроцентный и фактически бессрочный займ в виде необученных оленей, основное условие которого заключалось в возвращении обученных животных. Обычно оленей брали осенью, кочевали с ними зимой, а с началом рыб-

Традиционные механизмы поддержки кочевого образа жизни на Ямале в первой трети XX в.

ного промысла весной отдавали обратно [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 1 об.], иногда по различным субъективным и объективным обстоятельствам срок отдачи откладывали на два года и более [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 37, л. 121 об.; Евладов, 1992, с. 169]. Оплата использования оленей и компенсация за их потерю составляла половину полученной на них продукции, включая охотничий, рыболовный промыслы и заработки от извоза [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 53, л. 25 об., 34 об.]. Еще одной формой бессрчного и беспроцентного займа была выдача оленей на мясо богатым хозяйством бедному. Такой кредит не предполагал отдачи, считалось, что «всякий, имеющий пищу, обязан дать голодному без каких-либо компенсаций и возврата» [Евладов, 1992, с. 170]. В этой связи показателен пример раздачи североямальскими ненцами части своих оленей хозяйствам, пострадавшим от эпизоотии сибирской язвы в 1911–1912 гг. на Среднем Ямале [Там же, с. 170], что позволило последним не бросить кочевого образа жизни. Согласно Приполярной переписи, безвозмездная отдача составляла примерно 0,8 % от общего числа стада, или 0,2 % в составе приобретенных населением оленей (табл. 3).

Таблица 3

Движение оленьего стада на Ямале по данным переписи Приполярной переписи 1926–1927 гг.

Показатель	Было оленей на 01.01.1926 г.	Прибыло за год				Убыло за год								Осталось к концу года
		Получено приплода	Куплено	Приобретено безвозмездно	Итого	Продано	Отдано безвозмездно	Зарезано	Погибло от бескормицы	Пало от болезней	Затравлено зверями	Погибло от прочих причин	Итого	
Число голов	116 419	36 641	725	216	37 582	3768	964	12 371	871	898	8655	9020	36 547	117 464
Доля в %	100	31,5	0,6	0,2	32,3	3,2	0,8	10,6	0,7	0,8	7,4	7,7	31,4	100,9

Рассчитано по: [Поселенные итоги, Обдорский сельский совет, 1926–1927 гг. Данные Всесоюзной переписи 1926–1927 гг. по Обдорскому району, полуостров Ямал. Сводные поселенные итоги Приполярной переписи. Из фондов ГУ ЯНОМВК имени Шемановского, без номера].

Данные Приполярной переписи позволили уточнить замечание о том, что в конце 1920-х гг. очень редко можно было встретить на Ямале «хозяйство, имеющее более 100 оленей, которое не отдавало бы их в другие чумы или не имело бы от других» [Там же, с.171]. Согласно материалам переписи, 11,5 % оленных хозяйств, являвшихся главным образом владельцами стад до 150 голов, получили чужих оленей, а 8,5 % — отдали своих (табл. 4). С ростом величины стада увеличивается доля хозяйств, отдававших своих оленей. В процентном соотношении доля принятых оленей не превышала 5,4 % в составе выпасаемого стада, отданных оленей — составляла менее 1 % в малооленных и среднеоленных хозяйствах, а в крупных вырастала до 2,8 %. При этом хозяйств, одновременно принимавших чужих оленей и отдававших своих, не было. Размер «подержания» в одном хозяйстве не превышал 40 оленей [Там же, с. 169], в материалах переписей 1926–1927 и 1934 г. — 30 [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 15, 37; ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 1 об.]. Количество розданных оленей ничем не ограничивалось. В переписных материалах максимальное число отданных в другие, преимущественно родственные, хозяйства оленей насчитывало 250 голов [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 13]. В.П. Евладов приводит примеры и более крупных раздач, достигавших 300 оленей ежегодно [1992, с. 170].

Тында, или дарение, было широко распространено в тундре, являясь залогом доброго расположения и взаимопомощи, так как практически всегда по умолчанию предполагало отдаривание. Иногда в качестве подарка выступал живой олень. *Тында* носила бессрчный характер, но в некоторых случаях назывался условный срок — три года. Предусматривая целую систему отношений между дарителем и получателем на протяжении ряда лет, она предполагала, что последний, получив одного оленя, должен вернуть первому через три года двух оленей, с тем чтобы тот в свою очередь мог сделать ему повторный подарок по прошествии следующих трех лет уже в виде двух оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 46, л. 41 об.]. По данным В.П.Евладова, в данной процедуре было «...задействовано постоянно более 2 % всех оленей Ямала, а отдача составляла лишь 1,8 %» [1992, с. 172].

Доля своих и чужих оленей в хозяйствах по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.

Олени	Всего хозяйств с оленями	Доля хозяйств с оленями, голов										
		До 25	26–50	51–75	76–100	101–150	151–200	201–300	301–400	401–600	601–800	801 и более
Принято чужих	69	5,4	3,1	2,4	0,9	2,1	0,1	0,02	0,2	—	2,4*	—
Отдано своих	51	—	0,1	0,1	0,2	0,03	0,1	0,2	0,4	1,1	1,0	2,8
В наличии	599	94,6	96,8	97,5	98,9	97,9	99,8	99,8	99,4	99,9	96,6	97,2
Всего	124 282	856	3857	4884	5484	10840	11 131	11 550	10 011	11 642	21 213	32 814

Рассчитано по: [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3].

* В 1 хозяйстве принято на выпас стадо в 490 оленей. При этом своих оленей — 225 голов.

Уплата калыма, или, как его еще называют в этнографической литературе, возмещения за приданое семье невесты [Сусой, 1994, с. 56], приводила к сокращению стада отдающего хозяйства и росту его в принимающем. Размер выплаты зависел от величины приданого и варьировался от 20 до 100 оленей [Евладов, 1992, с. 239]. Согласно средним оценкам, в 1928 г. в уплату калыма пошло 1,9 % всех ямальских оленей и еще 0,3 % — «по последующему дарению приезжающим в гости после выхода замуж дочерям и сестрам» [Там же, с. 173].

Обмен продукции рыболовного и охотничьего промысла на оленей практиковался издавна, сыграв существенную роль в наращивании домашнего поголовья оленей и становлении оленеводства крупнотабунного типа [Головнев, 1993, с. 93]. В начале 30-х гг. XX в. 1 олень оценивался в 1 песка или 1 ящик рыбы (0,5 ц) [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 21 об.]. Кроме того, олени приобретались за продукцию кустарных промыслов: в частности, за изготовление двух нарт давали 1 оленя [Там же, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 121 об.]. Не были редким явлением в ямальской тундре и кражи оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 46, л. 41 об.; д. 47, л. 121 об.; Евладов, 1992, с. 84, 249].

Производственные нужды оленеводства требовали объединения хозяйств для совместного окарауливания оленей и кочевания. В период отела образовывались стойбища из 2–3 семей *нгэсы*, которые в комарный период для окарауливания стад увеличивались — возникали *нгоб'нгэсурма* (объединенные стойбища), состоявшие из 3–12 семей, осенью они распадались на *тэрангу* (выделяющиеся) или *тахав'а* (направляющиеся в разные стороны), последние разделялись на отдельные семьи *нарава* (весенние) на время перекочевок на север [Головнев, 1995, с. 53]. Мотивами таких объединений служила техника выпаса, сложившаяся к началу XX в. и не допускавшая самостоятельного выпаса менее 100 оленей без слияния с другими стадами во все времена года, исключая комариный период [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 211 об.]. Считалось, что более мелкие стада будут разбегаться при появлении волка [Там же]. Для создания оленьей «карусели», облегчающей страдания животных от гнуса летом, требовались объединенные стада в 300 голов [Там же].

Поводом для объединения служило также наличие или отсутствие достаточного количества мужчин-работников. Как удалось установить участникам землеустроительной экспедиции, «в хозяйствах с одним работником стадо не должно превышать 1000 голов, так как иначе хозяин не сможет проверять ежедневно, все ли у него олени на лицо, нет ли потерь» [Там же]. Поэтому хозяйства, имевшие несколько работников — как членов семьи, так и батраков, могли доводить размер стада до 1500–2000 оленей. Чаще всего оленеводы образовывали совместные стада в 500–600 голов [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 211 об.; Евладов, 1992, с. 171]. Выпас оленей в таких объединениях (*пармах*) осуществлялся по очереди каждым из его участников независимо от количества своих оленей [Броднев, 1950, с. 95]. Пармы на Ямале могли включать в себя как родственников, так и неродственников, мало отличаясь в этом от объединений в Ненецком округе [Маслов, 1934, с. 28]. Примеры объединения мало- или среднеоленных ненцев между собой, малооленных с богатыми хозяйствами часты в рассматриваемый период [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 35, л. 121 об.; д. 36, л. 11 об.; д. 39, л. 11 об.]. Последнее в годы советской власти оценивалось как одна из скрытых форм эксплуатации бедного оленевода богатым [Броднев, 1950, с. 95–96; Маслов, 1934, с. 28–29]. Бедняк, нанимавшийся батраком в многооленный чум один или с семьей, мог рассчитывать на питание и одежду наравне с членами хозяйства, а также заработать оленей, помогая в стаде, изготавливая нарты и т.д. [Евладов, 1992, с. 62; ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 37, л. 221 об., 231 об.; д. 46, л. 151 об.].

**Источники поступления оленей в хозяйствах с разной оленеобеспеченностью
по данным похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг.**

Категории хозяйств	Было на осень 1933 г. после массового забоя, голов	Получено оленей, % от общего числа оленей в каждой группе					Перешло из нижней возрастной группы, %	Прочие поступления, %	Итого прибыло, %
		Куплено за наличные деньги в кредит	От колхоза	В обмен	За работу (отработки др.)	По наследству и разделу			
Индивидуальные хозяйства									
С отпуском рабочей силы	397	1,7	—	1,0	0,3	—	18,6	0,8	22,4
С поголовьем оленей:									
До 25 голов	627	9,1	2,1	0,6	0,6	—	5,4	—	17,8
От 26 до 50 голов	2597	4,1	0,9	0,7	0,8	0,8	9,8	0,2	17,3
От 51 до 100 голов	5287	2,7	0,9	0,3	0,02	—	10,8	0,1	14,8
От 101 до 200 голов	4008	2,2	—	0,4	0,1	—	13,8	0,2	16,7
Свыше 200 голов	2869	0,2	—	0,1	—	—	11,8	1,0	13,1
С наймом рабочей силы	4075	0,6	0,1	0,1	—	—	10,2	—	11,0
Итого по индивидуальным хозяйствам	19 860	2,2	0,4	0,3	0,1	0,1	11,3	0,3	14,7
Колхозные хозяйства									
ППО «Вторая пятилетка»	313	26,8	—	—	—	—	13,1	—	39,9
Артель «Харп»	221	—	0,4	0,4	—	0,4	14,5	—	15,7
Артель «Промышленник»	67	8,9	—	—	—	—	7,5	—	16,4
Всего по ППО и артелям	601	14,9	0,2	0,2	—	0,2	13,0	—	28,5
Итого по Ямалу	20 461	2,5	0,4	0,3	0,2	0,1	11,3	0,3	15,1

Рассчитано по: [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 34, л. 174].

Отраженные в материалах Приполярной переписи традиционные способы получения оленей в виде безвозмездного приобретения дополняются новым, а именно покупкой оленей, на который приходилось только 0,6 % оленьего поголовья 1926 г., при этом продавалось оленей значительно больше — 3,2 % (табл. 3). По данным похозяйственной переписи УНХУ РСФСР, доля оленей, купленных за наличные деньги и в кредит, насчитывала уже 2,2 % от общего поголовья оленей, или 16,7 % в общей прибыли оленьего поголовья, занимая первое место среди возможных источников их поступления в 1934 г. (табл. 5). Это связано с изменением социально-экономической ситуации на Ямальском полуострове в конце 20-х гг. XX в., появлением у населения больших возможностей покупки оленей, так как с образованием стационарных населенных пунктов (факторий, районного центра Яр-Сале, поселков Новый Порт, Ходата, Пуйко, Горный Хаманел) ненцы стали зарабатывать деньги, занимаясь извозом, заготовкой топлива, службой, сдачей на фактории продукции своих промыслов. Заинтересованность государства в пушнине, а также рыбе и мясе обусловила широкую практику предоставления промысловикам хозяйственными организациями (Интегралкооператив и Рыбтрест) кредитов, которые население использовало на приобретение оленей. Покупали оленей в кредит, получали от колхоза, меняли на рыбу и пушнину прежде всего малооленные как индивидуальные, так и колхозные хозяйства, что указывает на их желание быстро нарастить стадо всеми возможными путями и начать кочевать. Только в категории хозяйств с поголовьем до 25 оленей их покупка составила 50,9 % от общего числа приобретенных оленей в данной группе, или 9,1 % от общего поголовья. В хозяйствах колхозников она доходила до 67 и 26,8 % соответственно. Получение оленей от колхоза в счет заработной платы [Судьбы народов..., 1995, с. 192] находилось на втором месте среди источников поступления их в хозяйство, насчитывая 0,4 % общего поголовья. На третьем месте оказались олени, полученные путем обмена, и прочие поступления — 0,3 %, затем — плата оленями за отработки, равная 0,2 %. Переход полуоседлых и оседлых хозяйств в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. к кочевому образу жизни, обусловленный экономическими причинами [Волжанина, 2012], стал, в свою очередь, одной из причин роста малооленных хозяйств на Ямале, а активное использование новых способов увеличения стада свидетельствует об их преимуществах перед традиционными в возможности сразу приобрести необходимое для кочевания количество оленей.

Данные переписей свидетельствуют о тенденции уменьшения размера стад на Ямальском полуострове, что выразилось в сокращении количества крупных и увеличении мало- и безоленных хозяйств. Со времени Приполярной переписи доля первых снизилась с 12,7 до 6 %, а вторых — выросла с 49,5 до 58,9 % (рассчитано по табл. 1). В абсолютных цифрах сокращение выглядит еще более внушительным. Если в 1926 г. самое большое стадо, установ-

ленное регистраторами, насчитывало 4190 голов, то в 1932 г. таковое не превышало 1000. Достоверность статистических сведений подтверждается сообщениями современников, согласно которым «...на Большом Ямале чересчур богатых хозяйств нет. Лишь 2–3 чума имеют до 2000 оленей. Большинство кулачества располагает стадами в 700–1200 голов» [Козлов, 1933, с. 131]. В соответствии с выявленными изменениями на Ямале уменьшилась и средняя величина стада — с 210 в 1926–1927 гг. до 145 голов в 1932–1933 гг. [Оленеводство..., 1930, с. 3; Волжанина, 2011, с. 225].

Оценивая факторы уменьшения поголовья оленей в рассматриваемый период, можно говорить о том, что они носили в меньшей степени биологический и санитарно-эпидемиологический и в большей — социально-экономический характер. Гибель оленей на Ямале от травежа и различных заболеваний происходила ежегодно, и только в исключительных случаях могла привести к значительным изменениям процентного соотношения стад разной величины. Потеря оленей от болезней достигала в среднем 8,4 %, от волчьих потрав — 5,9 % общего поголовья [Евладов, 1992, с. 227]. Такие крупные эпидемии сибирской язвы, как наблюдавшиеся в 1908, 1911 и 1914 гг. и охватывавшие большую территорию в районе озер Яррото, Ямбуто, Нейто, Мордымалто, мыса Каменного, рек Тарко-Сале, Таркасэбэсьяха, Харасавэй, не повторялись до 1941 г. [Королев, Кувичев, 1990, с. 34]. Летом 1928 г. на территории южного и среднего Ямала, где в это время располагалось $\frac{2}{3}$ ненецких хозяйств, прошла эпизоотия копытной болезни, в результате которой погибло около 30 000 животных [Евладов, 1992, с. 227]. В 1930–1933 гг. в бассейнах рек Сеяга (Карская), Ясовой-Яга, Паду-яга, Ой-яга, Падератта наблюдались отдельные вспышки копытки и легочных заболеваний [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203; Волжанина, 2011, с. 226]. По данным 1934 г., в процентном отношении доля оленей, павших от болезней, существенно увеличилась по сравнению с 1926 г., но оказалась меньше, чем в 1928 г., по крайней мере, на территориях южного и среднего Ямала, составив соответственно 4 % (только 3,4 % от копытки). Доля оленей, затравленных зверьями, в общем поголовье ямальского стада выросла с 1926 по 1934 г. с 7,4 до 7,8 % (табл. 6).

Наибольший процент убыли давал ежегодный забой оленей в хозяйстве на питание семьи, изготовление одежды и жилища. По оценке В.П. Евладова, он равнялся 8,4 % от величины стада, что составляло 20–30 оленей на 1 чум [1992, с. 227]. Согласно переписным данным, он составил в 1926 г. 10,6 %, а к 1934 г. вырос до 14,2 % за счет индивидуальных малооленных хозяйств, в которых достигал 61 % в общей потере оленей за год, подтверждая факт недостаточного снабжения кочевого населения промышленными и продовольственными товарами, в том числе из-за низкого выхода песка, служащего основной единицей при расчетах на факториях, вынуждая население к большому, чем обычно, забою животных [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203; Волжанина, 2011, с. 226; Козлов, 1933, с. 131]. От недопоставок продовольствия страдали прежде всего малооленные хозяйства, забивавшие больше оленей, чем владельцы средних и крупных стад. Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, не подтверждают отмечавшегося так называемого «хищнического убоя оленей», когда число забиваемых оленей значительно превышало хозяйственные потребности, в знак протеста против советской власти, за что оленеводов привлекали к судебной ответственности [Судьбы народов..., 1994, с. 189].

В первой половине 30-х гг. XX в. высокая доля забитых животных усугубилась проведением государством обязательной контрактации оленей у кулаков и середняков, конфискацией оленей. Величина контрактации оленей варьировалась от 10 до 20 % в зависимости от величины стада, что считалось приемлемым для ненецкого хозяйства [Козлов, 1933, с. 124, 133]. Но на практике она могла приводить к полной утрате хозяйством своей самостоятельности, так как в погоне за плановыми показателями советские работники законтрактовывали в некоторых случаях значительно больший процент животных, оставляя в хозяйстве установленный официально минимум оленей в 250 голов [Волжанина, 2011, с. 226], иногда совсем лишая его ездовых оленей. В отношении владельцев многотысячных стад проводилось раскулачивание, наложение твердых заданий и штрафов. По данным переписи 1934 г., доля отобранных оленей составила 4,9 % (1000 голов) от величины ямальского стада. Тем не менее ее масштабы были еще больше. Известно, то за «злостный убой оленей» в количестве 40 штук у оленевода Хороля Нарья конфисковали 5000 оленей, «оставив ему в пользование 250 штук», за убой 20 оленей-важенок Вануйто Янговы и Окотэтто Мьноги были оштрафованы на 2500 голов с оставлением в хозяйстве 250 оленей [Судьбы народов..., 1994, с. 189].

Убыль оленей от разных причин в хозяйствах с разной оленеобеспеченностью по данным похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг., в % от общего поголовья на осень 1933 г.

	Продано живыми	Обменено	Отдано за долг	Отдано за работу	Отобрано при раскулачивании	Выдано при разделе, женитьбе и прочее	Забито	Пало от болезней				Затравлено зверьями	Пало от голопедицы	Погибло от прочих причин	Передано в колхоз	Итого убыло
								от копытки	от чесотки	от сибирской язвы	от прочих болезней					
Индивидуальные хозяйства																
С отпуском рабочей силы	—	3,0	—	—	—	—	14,6	4,3	—	—	0,7	8,8	—	0,3	—	31,7
С поголовьем оленей:	—	0,6	—	—	—	—	23,0	3,0	—	—	—	0,2	9,4	—	1,4	37,6
До 25 голов	—	0,6	—	—	—	—	23,0	3,0	—	—	—	0,2	9,4	—	1,4	37,6
От 26 до 50 голов	—	0,1	0,2	0,03	—	1,3	16,2	2,7	—	0,1	0,7	9,7	—	1,6	—	32,6
От 51 до 100 голов	0,1	0,5	—	—	—	—	17,2	3,9	—	—	0,4	7,4	0,1	0,6	—	30,2
От 101 до 200 голов	0,6	0,3	—	—	—	—	13,0	3,9	—	—	1,0	5,9	—	0,5	0,1	25,3
Свыше 200 голов	3,3	1,0	—	0,2	1,0	0,7	14,6	2,4	—	—	0,7	6,9	0,1	1,9	—	32,8
С наймом рабочей силы	7,2	0,1	—	0,1	24,5	—	9,0	2,7	—	—	—	9,0	—	0,5	—	53,1
Итого по индивидуальным хозяйствам	0,7	0,6	0,02	0,74	5,0	1,1	14,3	3,3	—	0,01	0,5	7,7	0,02	0,9	0,01	34,9
Колхозные хозяйства																
ППО «Вторая Пятилетка»	—	—	—	—	—	—	8,0	14,7	—	—	4,5	16,3	—	2,2	—	45,7
Артель «Харп»	—	—	—	—	—	—	15,4	3,2	—	—	—	3,6	—	—	—	22,2
Артель «Промышленник»	—	—	—	—	—	—	17,9	—	—	—	1,5	8,9	—	6,0	—	34,3
Итого по колхозным хозяйствам	—	—	—	—	—	—	11,8	8,8	—	—	2,5	10,8	—	1,8	—	35,7
Всего по Ямалу	0,6	0,6	0,02	0,7	4,9	1,1	14,2	3,4	—	0,01	0,6	7,8	0,01	0,9	0,01	34,9

Если в 1926 г. в первую пятерку причин убыли оленей вошли забой, гибель от разных причин, травеж хищниками, продажа и безвозмездная отдача, то в 1934 г. она выглядела несколько иначе: забой, травеж, болезни, раскулачивание, выдача оленей при разделе хозяйства. Последнее объясняется стремлением крупных оленеводов избежать раскулачивания и наложения твердых заданий, разделив оленей между членами семьи. Следствием сокращения многооленных стад стало уменьшение поголовья оленей на Ямальском полуострове. С 1926 по 1935 г. стадо Ямальского района сократилось на 22,8 %, т.е. со 180 000 до 139 000 голов [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 202об.].

На наш взгляд, сложившееся на Ямале к началу 30-х гг. XX в. соотношение мало-, средне- и крупнооленных хозяйств, при котором хозяйства, владевшие стадами свыше 500 оленей, насчитывали только 6 % населения и владели 27,5 % общего оленьего стада [Там же, л. 202], являлось основной характеристикой крупнотабунного оленеводства ямальских ненцев, которое благодаря действию описанных выше традиционных механизмов, направленных на поддержание кочевого образа жизни, позволяло кочевать остальным, менее крупным хозяйствам. Таким образом, государство, проводя политику разукрупнения, сводило на нет действие традиционных механизмов, направленных на поддержание кочевого образа жизни, тем самым диктуя свои условия кочевникам и подготавливая почву для последующей коллективизации, повышения товарности оленеводческого хозяйства и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 26. Д. 35–37, 39, 46, 47.
 ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3, 53, 188а, 189.
 Броднее М.М. От родового строя к социализму: (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа) // СЭ. 1950. № 1. С. 92–106.
 Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск: Обл. Омск. гос. изд-во, 1952. 187 с.
 Бушевич А. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 // ЕТГМ. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1914. Вып. 22. С. 1–86.
 Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.

Е.А. Волжанина

- Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 225–235.
- Волжанина Е.А. Кочевые и оседлые хозяйства в составе ненцев Ямала в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в. // Вестн. ТГУ. История. 2012. В печати.
- Волжанина Е.А. Современные этнодемографические и этносоциальные процессы в среде ненцев Ямала // Коренные малочисленные народы Севера: Оценка человеческого потенциала. 2012. В печати.
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 610 с.
- Гурвич И.С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР // СЭ. 1970. № 1. С. 15–34.
- Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.
- Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 121 с.
- Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rangifer.org/gumilev/ivanovtext.shtml>.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.: В 9 т. Т. 7: Сельское хозяйство районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. М.: Статистика России, 2008. 392 с.
- Карлов В.В. Народности Севера Сибири: Особенности воспроизводства и альтернативы развития // СЭ. 1991. № 5. С. 3–15.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006. С. 13–33.
- Козлов В. Полярная фактория. Свердловск; М.: Уралогиз, 1933. 185 с.
- Королев Б.А., Кувичев В.С. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ «Изучение структуры зооантропонозов в районах освоения газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа (заключительный). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. 54 с.
- Крайний Север. Вып. 1: Итоги переписи хозяйств в трех районах. М.: Изд. УНХУ РСФСР, 1935. 121 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Маслов П. Кочевые объединения единоличных хозяйств в тундре Северного Края // Сов. Север. 1934. № 5. С. 26–44.
- Оленеводство Тобольского Севера в цифрах: По материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. Тобольск: Изд. Комитета Севера, О-ва изучения местного края, Интегралсоюза и Конторы Госторга, 1930. 16 с.
- Пица А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 76–83.
- Пица А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на российском Севере: (Этническое возрождение малочисленных народов и государственная региональная политика). М.: Наука, 1994. 225 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
- Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // ТИЭ. М.: Наука, 1955. Т. 27. 569 с.
- Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. Т. 12. Тобольский округ. 234 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. док. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 321 с.
- Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 173 с.
- Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 г. // ЕТГМ. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1915. Вып. 24. С. 1–32.
- Терлецкий П.Е. Основные черты хозяйства Севера: (По данным похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926/27г.) // Сов. Север. 1930. № 9–12. С. 42–85.
- Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 г.) // Тр. научно-исследовательской ассоциации Института Народов Севера ЦИК СССР. Л.: Тип. Коминтерн, 1932. Т. 1. Вып. 1/12. 65 с.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 228 с.
- Lyarskaia E.V. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? 2008 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf>.

Тюмень, ИПОС СО РАН
nyabako@mail.ru

The article considers official definitions of nomadic and settled economies, as well as mechanisms of supporting a nomadic life, practiced with Yamal Nenets, as well as their transformation in the first third of XX century.

Ethnography, Northern peoples, Nenets, Yamal, traditional economy, nomadic life, settled life.